

2. Кун А.Л. Сообщения А. Куна о Кокандском ханстве // Известия Императорского Русского географического общества. 1876. т XII, с. 71-72.
3. Кун А.Л. *Очерк Кокандского ханства* // Известия Императорского Русского географического общества. -1876 т. XII, с. 59-70.
4. Собрание сочинений Ивана Васильевича Мушкетова. Вып. 2. 1877 г.-СПб.- 1912. -с. 52-54.
5. Наливкин В.П. Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда. Казань : Унив. тип., 1884. - 478 с
6. Наливкин В.П. Русско-персидский словарь общеупотребительных слов по наречиям Туркестанского Края / Сост. В. Наливкин. – Казань.- 1888. -394,с
7. Наливкин В.П. Руководство к практическому изучению сартовского языка.-Самарканд : Самарканд. обл. стат. ком.- 1898.- 333 с
8. В. Наливкин, М. Наливкина. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. - Казань: типография Императорского университета.- 1886. - 245 с.
9. В. Котюкова Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы В.П. И М.В. Наливкиных Неопубликованные рецензии // Восточный архив.- № 1 (33),- 2016.- с.64.
10. Абашин С. В.П. Наливкин: «...будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...» // Полвека в Туркестане. В.П. Наливкин: биография, документы, труды. М.: Издательский дом Марджани, -2015.- с. 28-29.
11. Наливкин, В. П. По поводу книги А. Ф. Миддендорфа «Очерки Ферганской долины» .-Туркестанские ведомости, 1883, № 35-39.
12. Абдрашев А.Б., Авазов Э.А. XIX к.аягы -XX к.башындагы Фергана өрөөнүндөгү этномаданий процесстер // ОшМУнун Жарчысы.-2014. №3-9-б.

УДК 394/395

Сандыбаева А.Д., Динашева Л.С.

Международный университет туризма и гостеприимства, Туркестан, Казахстан

**НАСЕЛЕНИЕ ТУРКЕСТАНСКОГО РЕГИОНА В XVIII –
НАЧАЛЕ XX ВВ.: КУЛЬТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ**

Сандыбаева А.Д., Динашева Л.С.

Международный университет туризма и гостеприимства, Туркестан, Казахстан

**НАСЕЛЕНИЕ ТУРКЕСТАНСКОГО РЕГИОНА В XVIII –
НАЧАЛЕ XX ВВ.: КУЛЬТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ**

Сандыбаева А.Д., Динашева Л.С.

Международный университет туризма и гостеприимства, Туркестан, Казахстан

**НАСЕЛЕНИЕ ТУРКЕСТАНСКОГО РЕГИОНА В XVIII –
НАЧАЛЕ XX ВВ.: КУЛЬТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ**

Аннотация. В статье рассматриваются демографические, культурные, социальные и политические аспекты развития населения Туркестанского региона в XVIII – начале XX века. Анализируется этнокультурное взаимодействие оседлого и кочевого населения, влияние миграционных процессов и колониальной политики Российской империи на хозяйственные и

общественные институты. Особое внимание уделяется традиционным формам организации городских и сельских поселений, роли махаллей, а также этносоциальным группам, таким как торе, кожа, толенгуты и шалаказахи. Изучение этнической структуры региона позволяет выявить закономерности трансформации общественных отношений, а также влияние политических и экономических изменений на формирование казахской идентичности.

Ключевые слова: Население, Туркестанский регион, социальные институты, махалля, кишлак, торе, шалаказахи.

Annotation. The article examines the demographic, cultural, social and political aspects of the development of the population of the Turkestan region in the XVIII – early XX century. The article analyzes the ethnocultural interaction of sedentary and nomadic populations, the impact of migration processes and the colonial policy of the Russian Empire on economic and social institutions. Special attention is paid to the traditional forms of organization of urban and rural settlements, the role of mahallas, as well as ethnosocial groups such as Tore, Kozha, Tolengut and Shalakazakh. The study of the ethnic structure of the region makes it possible to identify patterns of transformation of social relations, as well as the impact of political and economic changes on the formation of Kazakh identity.

Keywords: Population, Turkestan region, social institutions, mahalla, village, toreh, shalakazakhi

Аннотация. Макалада Түркстан регионундагы калктын онугуусунун демографиялык, маданий, социалдык жана саясий аспектилері каралат. Отурукташкан жана көчмөн калктын этномаданий өз ара аракеттешүүсү, миграциялык процесстердин жана Россия империясынын колониялык саясатынын чарбалык жана коомдук институттарга тийгизген таасири талданды. Шаардык жана айылдык конуштарды уюштуруунун салттуу формаларына, махаллейлердин ролуна торе, кожа, толентут жана шалаказахи сыяктуу этносоциалдык топторго басым жасалат. Региондун этникалык түзүлүшүн изилдөө коомдук мамилелерди трансформациялоо мыйзам ченемдүүлүктөрүн, ошондой эле саясий жана экономикалык өзгөрүүлөрдүн казак бирдейлигин калыптандырууга тийгизген таасирин аныктоого мүмкүндүк берет.

Негизги сөздөр: калк, Түркстан аймагы, социалдык институттар, Махалла, кишлак, торе, шалаказахи.

Туркестанский регион представляет собой уникальное явление. С древних времен здесь мирно сосуществовали и взаимодействовали различные хозяйственно-культурные уклады. С одной стороны, развивались традиции оседлого земледелия и торговли, а также градостроительства. С другой стороны, с севера сюда вплотную подходили кочевые скотоводческие племена. Это способствовало формированию своеобразного этнокультурного симбиоза и созданию уникальной культуры этнического и межэтнического взаимодействия.

В Туркестанском регионе проживали казахи всех трех жузов, так как здесь находился политический центр Казахского ханства. Этническая специфика казахов остается одной из недостаточно изученных тем в историко-этнографической науке. Социальная структура казахов, возникшая благодаря адаптации хозяйства к природным условиям, накладывалась на особенности этнической системы и сложные этнокультурные связи.

Население Туркестанского региона во второй половине XIX века формировалось

под влиянием интенсивных миграционных процессов XVIII – начала XIX веков. Во второй половине XIX века этот регион вошел в состав Российской империи, что привело к трансформациям не только в хозяйственно-культурных институтах, но и в межэтнических и социально-классовых отношениях.

Постколониальная парадигма требует новых подходов к изучению социокультурных процессов в Туркестане. Советский период стал целой эпохой, в ходе которой народы региона были вынуждены адаптироваться к жестким рамкам социалистического строя. Их политическое, экономическое и социальное положение претерпело значительные изменения. Современные межэтнические отношения в регионе также остаются проблемными.

Анализ опыта сосуществования различных этнических групп в городской среде Туркестанского региона, их адаптация к условиям города, а также функционирование «махалля» – городских кварталов, организованных по профессиональным и этническим признакам, является важным для управле-

ния современными урбанистическими процессами.

Махалля — исторически сложившаяся социальная единица, в которой люди проживают сообща, как единая община, жилой квартал с элементами самоуправления. В прошлом махалля не только объединяла местных жителей, но и регулировала их повседневную жизнь, создавая систему моральных норм, основанную на взаимной поддержке, уважении к старшим и равноправии членов общины.

Махалля занимала важное место в социальной жизни, оказывая влияние на решение многих общественных вопросов. Стабильная структура махалля способствовала сохранению традиций и культурных ценностей, несмотря на воздействия внешних факторов при российской колонизации и в советский период. Одной из важнейших функций махалли было проведение значимых событий в жизни общины. В более широком смысле махалля — это не просто район, а целая локальная община, которая сохраняет традиции и принципы взаимодействия.

Важно отметить, что махалля, как единица местного самоуправления, имеет огромную историческую ценность и требует бережного отношения. Недальновидные изменения в этом социальном институте могут привести к непоправимым последствиям. На основе махалли можно развивать новые формы местного управления, которые ориентированы на практичность, открытость, дружелюбие и борьбу с бюрократией.

Этикет и обычаи махаллей представляют собой не просто набор случайных традиций, а отражение культурных, исторических и бытовых особенностей народа. Эти нормы основываются на моральных принципах, хотя иногда их значение может быть трудно понять, поскольку некоторые из них напоминают суеверия. К примеру, в узбекской махалле существует запрет на приготовление горячей пищи в доме усопшего после похорон, что может быть связано с древними верованиями, связанными с огнепоклонничеством и зороастризмом [1].

Туркестан — единственный город в Казахстане, в структуре которого ярко прослеживается развитие городской культуры от раннего средневековья до современности.

Традиционные селения Туркестанского региона, такие как «қыстақ» и «кишлаки», когда-то выполняли городские функции. Общая формула социального устройства кишлаков – қыстақ в том, что специфика отдельного поселения на разных этапах истории в жизни местного общества, а также восприятие этих институтов их жителями выделяет ключевые понятия «традиционность», «модерность», «колониальность», «локальность».

Каждое поселение имело свое предназначение и особую миссию. Например, Карнак был известен как образовательный центр, специализировавшийся на исламском обучении. В Карнаке получал знания сам Кенесары хан, дед Мухтара Ауэзова - Ауэз Омархан [2].

С учетом исторических условий, за основу традиционной модели можно принять этносоциальные институты и отношения, существовавшие в XVIII – начале XXI века. Этнодемографическая ситуация в регионе претерпевает значительные изменения, поэтому исследование традиционных торгово-ремесленных и оседло-городских групп населения Туркестанского региона поможет раскрыть множество аспектов истории Казахского ханства. Процесс становления социальных институтов проходил строго в соответствии четкой иерархической последовательности в основе которого лежала специфическая родоплеменная система казахов-кочевников.

Изучение исторического развития Туркестанского региона, его социальных и политических институтов позволит глубже понять проблемы государственности. Это также даст возможность выявить факторы, обеспечивающие ее устойчивость, а также проследить за экономическими изменениями, территориальными преобразованиями и политическими реформами XVIII – начала XXI века, которые нарушали традиционные общественные структуры и адаптировали их к новым условиям. В раннесредневековый период сообщества, проживавшие в городах Присырдарьи и занимавшиеся торговлей, носили название «согды». Исторические данные свидетельствуют о том, что народы, обитавшие между реками Амударья и Сырдарья, были склонны к торговле.

Махмуд Кашгари, автор первого фундаментального словаря тюркских языков, на-

зывал города по Сырдарье огузскими: «Сауран – город огузов», «Сыгнак – город огузов», «Карнак – город огузов», «Мангышлак – область огузской земли». Он использовал термины «кыстак» и «шахар» для обозначения оседлых поселений и городов.

В эпоху формирования Казахского ханства оседлые сообщества, входившие в его состав, назывались «сарты». Вероятно, это название связано с оседлостью племен Присырдарья. Уже в XI веке Махмуд Кашгари давал слову «сарт» значение «торговец» [3, 400]. Также существует версия, что название «сарт» связано с древним названием Сырдарьи – Яксарт. Известный казахский историк Ш. Кудайбердыулы также связывал этноним «сарт» с названием Яксарт [4, 103].

В период становления Казахского ханства оседлое население называли «сартами». В официальных документах царской России этот термин часто использовался для обозначения отдельной группы населения. Основным занятием сартов традиционно была торговля. Согласно статистике 1885 года, в городе Туркестане и прилегающих селениях проживало около 15 тысяч сартов. Наибольшее их число сосредоточилось в таких городах, как Туркестан, Чимкент и Ташкент. Н. Маев отмечал, что «Сартами узбеки называли вообще жителей городов, принадлежащих одинаково к таджикской и узбекской расе» [5, 128]. Востоковед Н. Остроумов, изучавший сартов в начале XX века, пришел к выводу, что слово «сарт» происходит от древнего санскритского термина, означающего «торговец». Военный историк К. Абаза писал: «В Туркестане сартами называют оседлых жителей городов и деревень, которые имеют родство с персами. Иногда таджиков и сартов смешивают, называя этим термином всё население Туркестана» [6, 71]. Российские исследователи и чиновники рассматривали сартов как отдельную группу населения Центральной Азии. Однако в советской историографии термин «сарты» перестал использоваться для обозначения отдельного этноса. По мнению исследователя Ж. Артыкбаева, в новое время основную часть населения южных городов и поселений составляли сарты, которые активно занимались торговлей даже в самых отдалённых степных районах [7, 232].

В начале XX века, в результате политики «разделяй и властвуй» Советской империи, сартам было навязано новое название, и они стали называться узбеками. Таким образом, история, хозяйственная и культурная деятельность этого сообщества приобрели особое значение.

В 90-х годах XX века, с началом распада Советского Союза, казахстанские узбеки, стремясь сохранить язык, культуру и традиции, создали общественное объединение. 28 ноября 1989 года в Шымкенте состоялся первый курултай, на котором была основана городская узбекская культурная организация.

Кочевое население Туркестанского региона в XVIII-XIX веках в основном представляли казахи, составлявшие наибольшую численность среди тюркско-монгольских народов Центральной Азии. На начало XX века казахи составляли 60% населения Сырдарьинской области, что составляло 888 тысяч человек из общего числа в 1 480 000. Другие среднеазиатские народы составляли 36%, включая сартов и таджиков – 21%, каракалпаков – 7%, узбеков – 5%. Славяне, преимущественно русские, составляли лишь 4%.

Казахское общество, как и другие кочевые сообщества, организовано по принципу «ру» – родовой общности. Однако в основе общественной структуры лежит не просто сумма родов, а их функциональная иерархия. Огромное количество казахов, территориальная разбросанность племен обусловили сложную многослойную систему иерархических связей, основанных на родственных и генеалогических принципах.

Одной из особенностей этносоциальной структуры Туркестанского региона является наличие различных этнических групп, не входящих в основную генеалогию казахского народа. В XVIII веке такие группы объединялись в союзы, известные как «курама». Состав курама, проживающих в восточных районах современной Ташкентской области, интересен для казахстанских этнографов, поскольку включает родовые названия катаган, дурмен, барлас, конырат, кыпшак и другие. М. Тынышпаев указывает, что курама представляет собой «сборную» из трех орд казахского народа [8, 183]. Субэтническая группа сунак, проживавшая в Туркестан-

ском регионе, частично возводит свое происхождение к ходжам, а частично – к племени дурмен-барлас. Формирование этой группы связано с жителями Сыгнака, крупного города средневековья. В их составе можно встретить группы, такие как колеген и жайма, которые славились как мастера по металлу.

В рассматриваемый период в разных регионах Казахстана встречались многочисленные группы каракалпаков, кыргызов, калмыков, башкир и других. В традиционном обществе Туркестанского региона начала XIX века выделялись сословия, не интегрированные в основную генеалогическую структуру: торе (султаны), ходжа, толenguты и кулы. В источниках упоминается также группа шала-казахов.

В казахском обществе торе происходят от «золотого рода» Чингисхана и считаются потомками казахских ханов и султанов. Их традиционно называют «белой костью» из-за их привилегированного положения и службы государству. В Туркестанском регионе проживали представители нескольких ветвей торе, включая потомков Абылай хана, Абульхаир хана, Каип хана, Самеке хана и других.

В первой половине XIX века представители сословия торе начали вступать в браки с представителями аристократии «черной кости». Таких торе называли «қараман» (чернь). Например, род торе Барака получил это прозвище за родственные связи с сословием «черной кости». Таким образом, сословие торе утратило свою однородность. Среди них были как богатые, так и бедные, многие из которых вступали в браки с представителями «черной кости».

К этому времени звание «белая кость» приобрело больше историческое значение, утратив свою сословную значимость. Исключением могли быть только султаны, занимавшие определенные должности в административной системе Российской империи. Их скотоводческие хозяйства были тесно связаны с кочевыми общинами и обслуживались их членами. Внутри самого сословия торе сохранялись те же патриархально-родовые отношения, что и в кочевых общинах.

Кожа представляет собой высший слой мусульманского духовенства, широко распространенный в Туркестанском регионе.

В генеалогических списках, известных как «Насаб наме», кожа прослеживают своё происхождение до прямых родственников пророка, что обуславливает их привилегированное положение и склонность к эндогамным бракам. Однако исследования показывают, что среди кожа есть немало потомков доисламских тюркских жрецов.

В начале XX века казахская родовая идентичность пережила кризис, вызванный аграрной колонизацией региона. Политика переселения, проводимая царским правительством, привела к изъятию казахских земель, что сделало кочевой образ жизни практически невозможным. Это, в свою очередь, вызвало сокращение численности скота — основного источника богатства кочевников. А. Н. Букейхан подчеркивал, что для казахов животноводство было не просто экономической основой, а важнейшей частью их культуры и существования [9]. Потеря скота означала для кочевника утрату самого жизненного уклада, а переход к оседлому образу жизни привел к постепенной трансформации традиционной идентичности казахов.

Результатом аграрных преобразований стало массовое обнищание населения, приобретшее катастрофический характер. Социальное расслоение казахского общества достигло значительных масштабов, что привело к появлению отходничества — вынужденного ухода части населения на заработки вне традиционного родового окружения. Это явление негативно сказалось на институте родовой взаимопомощи, который со временем утратил свою прежнюю роль. Люди, оказавшиеся вне родоплеменной структуры, были вынуждены адаптироваться к новым условиям жизни, что способствовало ослаблению родовой идентичности и усилению общеказахского самосознания.

Ключевую роль в передаче знаний о предках и сохранении этнической идентичности играет родовая память. В отличие от основной массы казахского населения, представители группы «қожа» до сих пор осознают свое отдельное происхождение. Несмотря на то, что они не входят в традиционную родовую иерархию казахов, их этническая самоидентификация тесно связана с Казахстаном как страной проживания. Однако некоторые представители «қожа» продолжают

подчеркивать свое арабское происхождение, сохраняют ярко выраженное чувство родовой принадлежности и передают его следующим поколениям.

Отличительной чертой данной группы является существование эндогамных барьеров, долгое время препятствовавших заключению браков с представителями других родов. Тем не менее в случаях, когда такие союзы приносили материальную или социальную выгоду, эти ограничения могли нарушаться. Согласно исследованиям З. О. Ибадуллаевой, в начале XX века, если три поколения представителей рода «кожа» вступали в брак с казахами, их начинали называть «қараманы», что означало «смешанные кожа» [10, 151].

Толенгуты были зависимыми, находившимися на службе у ханов или султанов. Среди толенгутов встречались как потомственные служащие, так и лица иноземного происхождения. В сибирских степях, согласно свидетельствам С.Б. Броневского, толенгутами были бухарцы, ташкентцы, каракалпаки, башкирцы и калмыки [11, 96].

Толенгутами могли стать и свободные казахи. В рассматриваемый период было немало случаев становления в качестве толенгутов свободных казахов. В этой связи возникает вопрос, в чем причина того, что свободные казахи шли к султанам и местным правителям в качестве туленгутов. Как правило, это были люди, не имевшие ни скота, ни земли. Став толенгутом, он мог иметь свой скот. Кроме того, толенгутами могли становиться те свободные казахи, которые испытывали большую тягу к военному, чем скотоводческо-земледельческому делу.

Шалаказахи представляли собой метисов, происходивших от браков татар и среднеазиатов с казахскими женщинами. Историки отмечают, что это были люди, частично ассимилировавшиеся в казахской среде, в отличие от тех, кто сохранил свою этническую идентичность. Курбан Али Халид подробно описывает происхождение этой группы: ша-

лаказахами называли потомков татар и сартов, которые со временем интегрировались в казахское общество. Заключив брачные союзы с казашками, они занимались торговлей в Туркестане, Ташкенте. Одним из первых, кто получил прозвание «шалаказах», был Шах Азим ибн Саякуб, умерший в 1885 году в возрасте 99 лет. Халид отмечает, что рост численности шалаказов из сартов начался после 1788 года, а из татар – с начала XIX века [12, 146]. Статус «шалаказах» освобождал от военной службы и частично от налогов.

Город Туркестан во второй половине XIX и начале XX века переживал период активного развития и роста. В этот период началось благоустройство города, увеличилась численность его населения. По данным на 1910 год, в городе проживало 15,236 человек, из которых почти половина составляли мужчины (7865 человек), а женщины – 7371 человек [13, 127].

Научный анализ исторических процессов, происходивших в Туркестанском регионе в конце XIX – начале XX веков, показывает, что изменения в общественной жизни были крайне противоречивыми. Колониальная политика сместила акцент с национальных интересов на общие имперские идеалы, игнорируя культурные и духовные особенности местного общества.

Туркестан превратился в одну из периферий Российской империи, где была установлена единая военно-колониальная система управления. При этом, не нарушая многовековые хозяйственные традиции региона, российская администрация стремилась модернизировать управление по европейским стандартам, чтобы обеспечить самоокупаемость региона и получение дохода в имперскую казну.

Изучение научных трудов по теме требует комплексного исследования данной проблемы с применением современных научных методов. Следует учитывать не только традиционную структуру населения Туркестана, но и трансформации, произошедшие на протяжении XIX-XX веков.

Список использованных источников:

1.Зунунова Г.Ш., Назаров Р.Р. Трансформация пищи в современный период // Узбеки / Отв. ред. З.Х. Арифханова, С.Н. Абашин, Д.А. Алимова. - М.: Наука, 2011. -С. 337-341.

2. Артықбаев Ж. Қарнақ құпиясы: тарих және сабақтастық // Егемен Қазақстан. 26.03.2018. № 56. Б. 5.

3. Қашқари М. Түбі бір түркі тілі. Алматы: Ана тілі, 1993. -192 б.; Қашқари М. Түрік тілінің сөздігі (Диуани лұғат ат-түрік). Үш томдық шығармалар жинағы. Қазақ тіліне аударған, алғы сөзін жазған А.Қ. Егеубай. Алматы: Сөздік-Словарь, 2006. 1-том. – 373 б.

4. Құдайбердіұлы Ш. Түрік, қырғыз-қазақ һәм хандар шежіресі. Факсимиле, аударма, түсініктемелер мен көрсеткіштерді жазған Ж.О. Артықбаев. Астана: Фолиант, 2008. -381 с.

5. Маев Н. Русский Туркестан. Сборник изданий по поводу Политической выставки. Вып. 1: География и статистика. М.: В Университетской типографии (Катков и К) на Страстном бульваре, 1872. 133 с.

6. Абаза К. Завоевание Туркестана. СПб.: типография М. Стасюлевича, 1902. 316 с.

7. Артықбаев Ж.О. Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий). СПб.: Мажор, 2005. 320 с.

8. Тынышпаев М. История казахского народа. Сост.: Такенов А.С. Байғалиев Б. – Алма-Ата: "Казак университеті", 1993. -224 с.

9. Букейханов А. Сведения о киргизском хозяйстве Степного края к 15 января 1902 г. Омск, 1902. 10 с

10. Ибадуллаева З.Ө. Қазақ халқының құрамындағы қожалар (тарихи-этнографиялық зерттеу): Ғылыми-зерттеу еңбек / З.Ө. Ибадуллаева. — Алматы: Эверо, 2015. — 176 б.

11. Броневский С.Б. Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки. -Ч.41,42,43.-СПб.,1830.

12. Халид К. Тауарих хамса (бес тарих).-Астана: ТОО Prosper print, 2014, -286 б. 146 б.

13. Добросмыслов А. Города Сырдарьинской области. Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-Ата, Чимкент. Ташкент: эл. парт. типо-литография. О.А. Порцева, 1912. 204 с

УДК: 342, 128-45

Каратаев О.К. Проф. д.и.н.,

Кадыров Т.Д. Проф. к.и.н.,

КЫРГЫЗЫ УЗБЕКИСТАНА (ФЕРГАНСКАЯ ДОЛИНА), ИХ ЛОКАЛИЗАЦИЯ И РОДОПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ В КОНЦЕ XX ВЕКА

Karataev O.K. Prof. Doctor of Historical Sciences,

Kadyrov T.D. Prof. Ph.D.,

KYRGYZ OF THE FERGANA VALLEY (UZBEK PART OF THE FERGANA VALLEY, II HALF OF THE 20TH CENTURY)

Аннотация. В научной статье рассматриваются данные о кыргызах, проживающих за пределами территории Кыргызстана, в Республике Узбекистан. В статье исследуются их локализация, ареалы распространения и оседания кыргызов в Ферганской долине, племенной состав, материальная и духовная культура. Ферганская долина, которая в настоящее время находится под юрисдикцией независимых государств (Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан), издревле известна под дополнительным названием – “Золотая долина”. История, культура, язык кыргызов и кыргызского этноса и другие особенности тесно связаны с населением, культурой Ферганской долины. Известно, что в долине, ее предгорьях и горных местностях с незапамятных времен жили кыргызы. Некоторые исторические источники и труды исследователей свидетельствуют о том, что кыргызы населяли Ферганскую долину и прилегающие районы в X-XI вв. н.э. Необходимо отметить, что кыргызы издавна жили в Ферганской долине